

канцелярию, пытали огнем и выбили признание, будто бы Понятовский велел передать гетману на словах, что как только шведы войдут в Украину, гетман *"должен со всем войском запорожским приставать к шведам"*. Письмо отправили российскому канцлеру Г.И. Головкину, который сообщил своему давнему приятелю Мазепе про очередную попытку очернить его. Зная возможности тайных московских служб, Мазепа не был уверен в том, что Головкин сообщил ему все, что мог рассказать шляхтич. Незвестность пугала и расстраивала натянутые до предела нервы 69-летнего гетмана, оказавшегося в жесточайшем цейтноте. Мазепа поспешил ответить как всегда в верноподданическом духе: *"... никакие прелести не могут меня, никогда, от Высокодержавной Его Величества руки отторгнуть и неподвижной верности моей поколебать.... о брате Понятовского я не слыхал, взят ли он в плен или нет; по крайней мере козаки его ко мне не приводили"*. В то же время гетман продолжал демонстрировать свою преданность, сообщая канцлеру Головкину о намерениях польского короля Станислава Лещинского войти на Украину. И даже просил ускорить присылку регулярных войск, якобы для усмирения толп пьяных бродяг, безобразничавших в малороссийских полках.

Канцлер Г.И. Головкин, хоть и был давнишним приятелем Мазепы, но, видно, начал что-то подозревать и представил показания Улашина Петру. Царь счел нужным даже написать князю А.Д. Меншикову, чтобы тот свиделся с Мазепой и успокоил царским доверием, поскольку *"бездельники опять своим воровством стали оскорблять его"*. Желая предупредить возможное подозрение царя, Мазепа направил в Смоленск доверенное лицо – войскового асаула Максимовича – с письмом, в котором содержалась просьба об утверждении и отмежевании земли, приобретенной Мазепой в Рыльском уезде Курской губернии и о позволении заселить их пришлыми вольными людьми. При этом Максимович передал царю гетманский подарок в 2000 червонцев и поздравления по случаю победы русских войск под Лесной. Заметим, что, оказавшись впоследствии в шведском лагере, Мазепа